

БОРИС АЛМАЗОВ

Самый красивый конь

Борис Александрович Алмазов

Самый красивый конь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69798676

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть для детей о конном спорте, о проблемах детства. Одна из четырех повестей "Самый красивый конь", "Деревянное царство", "Считаю жл трех" и "Посмотрите, я расту" объединённых одними героями.

Борис Алмазов

Самый красивый конь

Глава первая. ПАНАМА – ПОТОМУ ЧТО ШЛЯПА

Он действительно был немножко шляпой. Начнёт в футбол играть, ударит по мячу – мяч в окне, ботинок в воротах. Пойдёт рыбу ловить, насадит червяка, махнёт удилищем – червяк за шиворот, а крючок вместе с удочкой и большим клоком штанов далеко в реке плавает.

Все ребята, конечно, кричат:

– Шляпа, лопух!

Он поэтому и в пионерские лагеря ездить не любил. Нынче вот в городе проболтался всё лето. Ходил на пришкольный участок, сорняки полоть. Сорняки оставил, а какие-то полезные корешки повыдергал. Все опять шумят:

– Пономарёв – дурак! «Пономарь» – лопух! – А один говорит: – «Панама»!

Так и превратился он из Пономарёва в «Панаму». Теперь пошло: «Панама, Панама»... Он уже привык, откликаться начал. Панама так Панама, у других ещё похуже прозвища.

И ещё у него была беда. Постоянно Пономарёв опаздывал в школу. Выходил-то из дому вовремя, просыпался рано, в

шесть часов, когда отец вставал гимнастику делать. А на улице обязательно что-нибудь происходило. То в трамвае мотор перегорел: дым валит, вожатый бежит, пожарные прикатили. Хоть Панама и не досмотрел, чем там дело кончилось, а всё-таки в школу опоздал. То увидел, как над городом журавли летят в тёплые страны, – в люк свалился, в открытый. Ещё хорошо, не сломал себе ничего. Зато потом пришлось весь день отмываться. Всё-таки канализация.

Вот и сегодня тоже. Панама за полчаса до уроков из дома вышел, а школа-то вот она, рядом. Подумал Панама, что ещё рано, решил квартал кругом обойти. Один дом прошёл, второй, завернул за угол. А за углом, около закрытого ларька утильсырья, лошадь стоит, извозчик – седенький старичок – на огромной платформе сидит, газету читает. Ну, Панама и прилип.

Он обошёл лошадь вокруг.

Лошадь была мохнатая, словно плюшевая, на лоб свисала заливчатая чёлка, и вообще вид был у неё какой-то хулиганский: нижняя губа оттопырена, задняя нога полусогнута – только сигареты и гитары не хватало, а то прямо хиппи из подворотни

А над копытами были белые мохнатые метёлочки, и из-за этих метёлочек лошадь казалась какой-то беззащитной. Тем более, была она вся перевязана ремнями и верёвками, на шее болталась какая-то штука, вроде как солдаты шинели скатывают, а на копытах были железные подставки с шипами.

– Дядя, а что это у неё на ногах? – спросил Панама и добавил: – Извините, пожалуйста. – Вечно он эти слова забывал вовремя сказать

Старичок посмотрел на него сверху и сказал в пространство:

– Дожились, дитё живой лошади не видало! Цивилизация! Это подковы, вместо ботинок, значит. Чтобы пятки не стоптать

– У!.. – сказал Панама. – Большое спасибо. Он ещё походил вокруг лошади, а старик смотрел на него печально, поверх очков.

– Ну что? Нравится?

– Да! Очень! – ответил Пономарёв. – Такая вся красивая, и пахнет хорошо.

– Эх! Не видал ты, парень, красивых-то коней. – Старик сложил газету. – Вот у моего отца тройка была! Кони-птицы, одно слово. Коренником – это который в середине – рысак орловский был, дак его, бывало, в оглобли два мужика заводят. Мотнёт головой – они на вожжах, как тряпки, болтаются.

– А это вожжи? – спросил Панама

– Вожжи! Да, меня отец всё вожжами порол, дак я их век ни с чем не спутаю. Вот они, вожжи, а это вот шлея, гужи, чересседельник, постромки, хомут, опять же удило и, конечное дело, супонь. Запомнил?

– Не-а...

– Это без привычки. Нонче опять же асфальт, а тогда всё

лошадка...

– Лошадь лучше, – сказал Панама. – А можно мне её погладить?

– А чего ж нет? Погладь.

Панама дотронулся ладонью до меховой конской морды, лошадь насторожила уши, прислушиваясь. И Пономарёву вдруг захотелось обхватить её за шею и прижаться изо всех сил к этой добродушной голове с отвисшими замшевыми губами.

Глава вторая **ЭТОТ СТРАННЫЙ ПЕДАГОГ**

– Так, говоришь, лошадь лучше? – услышал Панама голос за спиной.

– Лучше, – сказал он, всё ещё не в силах оторвать руку от лошадиной морды. – Лошадь живая. Её позовёшь – она идёт. Машина что? Сел и поехал, а лошадь всё понимает. Вон она уже уши подняла – не боится меня больше. Поняла, что я ей худого не сделаю.

– А теперь ответь мне, ученик пятого класса Пономарёв Игорь, почему ты не в школе? – спросил тот же голос.

Панама оглянулся и увидел учителя русского языка и литературы Бориса Степановича.

– Ой, – сказал Панама, – а сколько времени? .. Извините, пожалуйста.

– Ты намеревался спросить «который час?» Через пятна-

дцать минут первый урок кончится.

– Но ведь я же на минуточку, – пролепетал Панама. – Я только лошадь посмотреть. Ах, шляпа я, шляпа...

– Парнишка коня-то как увидал, всё на свете позабыл, – сказал старичок, улыбаясь.

– Не он один такой! – усмехнулся Борис Степанович. И вдруг зажал портфель коленками, а руками ловко открыл лошади рот. – Так, говоришь, отец, восемь лет кобылке-то?

– Восемь и есть, – закивал старик. – Восемь.

– Рановато ей ещё на задние-то хромать.

– Дак шпат это. Шпат, милый...

– Следить надо было. Кормите чёрт знает чем. О копытах и не говорю, за такое копыто кузнеца убить мало.

– Дак ведь, милый, – извиняющимся голосом заговорил старик, – кузнец говорит: инструмента нету. Напильник, скажем, копыто опилить, и то купить негде.

–

Совести у него нету, – строго ответил Борис Степанович. – Самого бы его так подковать. А напильник я принесу, ещё приедете сюда, так я через утильщика передам.

–

– Вот спасибо, вот спасибо – закивал возница, – Кузнец говорит: не продают за безналичными.

– За наличный бы купил, копейки стоит! Не трактор ремонтирует – живую лошадь куёт. Ну, Пономарёв Игорь, как сегодня? Настроены посетить учебное заведение?

– Я ведь только на минуточку остановился.

– Ладно, какой урок-то прогулял?

– Географию... – убито ответил Панама.

– Ну вот что. Будут спрашивать – скажи, я тебя задержал: ругал за контрольную. Кстати, ты хоть иногда в учебник русского языка заглядываешь? Так, хотя бы из любопытства...

Ланама стал рассматривать трещины на асфальте. А уши, он чувствовал, опухают и становятся такими огромными горячими, словно к голове приставили две олады.

– Ну ладно, смотри, на второй урок не опоздай. – И Борис Спанович зашагал к школе. Он шёл размашисто, широко, тяжёлый портфель в его руке, казалось, ничего не весит. В прошлом году, когда Борис Степанович появился в школе, в первый же урок задал контрольную и поставил двадцать две двойки! Никогда ни один учитель столько двоек не ставил. После этого началось: каждый день диктовка, какие-то игры составление слов, весь класс кроссвордами увешал. Вообще-то заниматься у Бориса Степановича интересно, но уж больно легко двойку заработать. А у него получать двойки чему-то очень неловко. Посмотрит, словно сквозь человека, окажет:

– Встань, Пономарёв, у тебя чувство юмора есть?

– Ага...

А класс уже замер.

– Так это ты что, для смеха написал: «Над городом мурлыкали журавли»? Дай дневник, хочется мне на память оста-

вить автограф. Кстати, напиши это слово на доске и объясни классу его значение...

Все хохочут, Пономарёв готов через все четыре школьных этажа провалиться. Борис Степанович сидит, не улыбнётся, бородку пощипывает, только в глазах ехидные черты пляшут. Портфель у него словно сундук у фокусника: никогда не знаешь, что он оттуда вынет. Один раз достаёт пакет полиэтиленовый с кусочками моркови, другой раз вытаскивает хлыст кой-то с костяной ручкой, а то ещё какие-то железки, ремни, пряжки... А как раз пришел в школу в красном пиджаке и штаны белые. И в сапогах. Конечно, красиво. Но никто так не ходит.

И ему, наверное, самому неловко было. Как только звонок, он бегом, только каблуками простучал, и в такси. Другого бы учителя ребята сразу спросили, почему он так одет, а этого только спроси, он тебе так ответит – не обрадуешься.

Он при ходьбе носки ног в стороны раскидывает. Старшеклассники-мальчишки все ему подражают. Весь десятый класс так ходит.

«Обязательно, когда подрасту, бороду такую отпущу, – подумал Панама, открывая тяжёлую школьную дверь. – Не для красоты, а просто так».

Глава третья **СТОЛБОВ И ДРУГИЕ**

– Ты чего географию-то промотал? Кино показывали! –

встретил Панаму Столбов, его товарищ по парте. – А я тут такую книгу достал про дореволюционных шпионов. Не знаю только, как называется: начала нет и конца тоже. Написано: «Продолжение в следующем выпуске...»

– Столбов!

Столбов закрывает рот, но ненадолго.

– Там, понимаешь, один шпион придумал такое средство...

– Столбов, пересядь к Фоминой.

– Марьсанна, я больше не буду...

– Кому я сказала?

Столбов сгребает с парты учебник, тетрадку и плетётся к окну, где сидит Юлия Фомина. С ней не поговоришь. Она на истории всегда математику делает. Закроется учебником и пишет. Попробовал Столбов слушать. Учительница рассказывает, как в Древнем Египте пирамиды строили... Неинтересно. Он ещё в начале года учебник истории до конца прочитал.

– Знаешь, – шепчет он Юле Фоминой, – «в одном переулке стояли дома, в одном из домов жил упрямый Фома...».

Юлия молча показывает ему из-под тетрадки чистенький крепкий кулак.

С ней лучше не связываться, она всех сильнее в классе. Ещё бы, спортсменка, фигуристка! Того гляди, на чемпионат мира попадёт. За ней недавно тренер в школу на машине приезжал.

Столбов один раз видел, как она тренируется. Как шлёпнется на лёд. Даже гул пошёл. Губу закусил. А тренер сбоку подзуживает:

– Сама виновата, торопишься, всё хочешь рывком взять. Соберись, соберись... Ещё разок!

А потом по телевизору показывали – танцует так легко, вроде это одно удовольствие.

– Больно, наверное, об лёд-то биться? – спросил тогда её Столбов.

– Нисколечко.

«Вот это сила воли, – думает Столбов. – Её даже учителя боятся. Нужно на тренировку, так она с последнего урока, никого не спрашивая, уходит. Директор в коридоре встретит: «Ну, Юленька, как наши успехи?» «Наши»! А сам, наверное, на коньках-то и ездить не умеет.

«Спасибо, хорошо». И глазки такие скромные сделает, как будто тихонькая такая девочка. А на самом-то деле она совсем другая.

Она на чемпионате победила немку одну на какие-то сотые балла. Немка ревёт, вся Европа на её слезы в телевизор смотрит. Жалко, конечно...»

– Тебе немку не жалко было побеждать? – пристал к ней Столбов.

А она смирила его глазами и говорит:

– Пусть неудачник плачет. Взрослая женщина – нюни распустила...

«Вот такая Юля Фомина. А подружка её закадычная – Маша Уголькова – совсем другая. Она и с виду отличается. Юля – высокая, мускулистая, ей на глаз можно лет пятнадцать дать, Маша – маленькая, худая и сутулится. А краснеет как! Вызовут к доске, она – раз! – и вся красная делается. Её даже дразнить неинтересно – сразу плакать начинает.

Кого хорошо дразнить, так это Ваську Мослова. Выбрали его председателем, так он теперь ходит важный, даже лицо такое озабоченное делает, как будто занят целый день. А на самом деле лодырь.

В прошлом году был председатель Коля Вьюнков, вот это был председатель! И в кино ходили, в театр, и газету какую выпустили, нас за неё шестиклассники даже чуть не побии.

И в «Зарницу» победили всех. А этот только заседает – по два часа «пятиминутки» длятся. Жалко, Вьюнков с родителями на Север уехал».

Вырвал Столбов из тетрадки лист. Стал Мослова рисовать. Голова у Мослова круглая, нос пупочкой, глаза хитрые и бегают, особенно когда струсит. А он всё время трусит. То боится, что от старшей пионервожатой влетит, то, что его ребята переизберут. А уши-то, уши! Как это раньше Столбов не замечал. Нарисовал Столбов председателю длинные ослиные уши. И чтобы с зайцем не спутали, решил подпись сделать. Сначала написал: «Мосёл-осёл!» Посидел, подумал. Неубедительно. Стал стихи сочинять – получилось! Прямо целая басня Крылова:

Наш Васечка Мослов

Осёл среди ослов!

.В председатели прорвался,

Но ослом, как был, остался!

Сложил карикатуру вчетверо, написал: «Не вскрывать! Совершенно секретно. Пономарёву И. Лично» – и послал записку по рядам. Но все смотрели и смеялись.

– Столбов! Повтори мой вопрос и ответь на него.

«Пропал», – подумал Столбов. Медленно поднялся... И тут прозвенел звонок.

Пономарёв покатывался со смеху, разглядывая карикатуру. Вокруг него толпились ребята. Вдруг подбежал второгодник Сапогов, схватил карикатуру, захохотал своим дурацким смехом и потащил листок Мослову.

– Во! А? Во! Эта! Портрет! А?

Васька покраснел, надулся и пошёл на Панаму:

– Твоя работа?

– А что? Тут всё правильно написано: «В председатели прорвался, но ослом, как был, остался!»

– Сейчас же порви! На моих глазах порви! – сказал Васька, а сам просто от злости трясётся.

– Ты что! – не выдержал Столбов. – Это же произведение искусства! Это же сатирическая графика! Сатира графическая! Она, может, лет через сто будет в музее висеть! Ты, Васька, её сохрани, через сто лет большие деньги заработаешь.

– Хорошо, – медленно сказал Мослов, – я её сохраню.

– Носи, Вася, на здоровье! – заорал Столбов и вскочил на парту.

Тут в класс вошёл Борис Степанович,

– Ясно! – сказал он весело. – Теперь ясно, кто будет парты мыть.

– Да я только вскочил, – возмутился Столбов. – Другие все время бегают!

– Другие будут мыть в другой раз.

– Борис Степанович, вот! – Мослов протянул ему карикатуру. – Вот! – Он словно гордился. – Вот, оскорбляют. . В классе стало тихо.

– Ну, если это тебя оскорбляет... – сказал учитель.

– Значит, ты осёл и есть! – крикнул Столбов и захохотал, Борис Степанович глянул на него внимательно и сказал:

– Кстати, автор этих стихов себя и своих одноклассников не считает ослами.

– Это почему же? – удивился Столбов.

– А тут так написано: «Осёл среди ослов», и я не понимаю, почему ослов так раздражает, что один из них «в председатели прорвался». Это справедливо, ведь, значит, льва-начальника они не заслужили.

– Это почему же? – опять спросил Столбов.

– А потому, что они даже не ослы, а зайцы. Стихотворение-то без подписи. Кто писал – трус!

Гут Столбов хотел было сказать: «Да вы что! Это я нари-

сол и написал. И ничего тут такого нет, пошутить нельзя», да только не успел. Васька Мослов вскочил и заорал:

– Это Пономарёв нарисовал. Пономарёв!

– Что же он, сам себе письма пишет? – сказал учитель. – Это письмо Пономарёву адресовано.

– Это он для конспирации.

– Нелогично. Успокойся. – Борис Степанович заложил ш за спину и прошёлся по классу.

– Меня сильно огорчает не то, что вы не умеете шутить, но вы не умеете отличать остроумие от оскорбления. Как вы медленно взрослеете и как вы медленно умнеете!

– А Пушкин тоже карикатуры рисовал, – сказал Столбов.

– Пушкин в вашем возрасте свободно владел французским языком, латынью, дружил с умнейшим человеком своего времени, с философом Чаадаевым.. . А вы, я вижу, живёте со дня день, не думаете ни о прошлом, ни о будущем. Посмотрите, большинство из вас ничем серьёзно не интересуется... Даже гражданская жизнь, я не боюсь этого слова, гражданская знь вашего класса вас не интересует... Ну, ладно! Он устало потёр лоб. – Уж коли зашла у нас сегодня речь о басне, нарушим программу и поговорим сегодня о баснях. Басни писать уметь надо, ибо басня подчиняется определённым законам. .. В Древней Греции жил старый и безобразный раб по имени Эзоп...

В перемену Мослов подошёл к Панаме и, показав кулак, сказал:

—

Ты, Панама, у меня ещё узнаешь, как карикатуры рисовать!

Глава четвёртая «ТАКИЕ, БРАТ, ДЕЛА...»

Панама потерял спортивные трусы. Ну как теперь на физкультуру пойдёшь? Все трусы у Панама для этого дела не годятся. Из старых он вырос, а те, которые постоянно носит, вообще показывать нельзя. Они – в маленький цветочек. Это у мамы была такая материя, она взяла и Панаме трусов нашила.

Мыкается Панама по коридору. Все на физкультуру ушли. Как раз четвёртый и пятый уроки – физкультура. Мог бы Панама домой пойти, да там делать нечего. Все на работе. Шатается он по школе, боится на завуча нарваться. Вдруг из учительской вылетает Борис Степанович, какой-то встре-
паный – ив класс. В классе сразу тихо. Он чего-то там поговорил, опять в учительскую побежал, ну в классе, конечно, сразу шум, даже кто-то кукарекать начал. А ещё восьмой класс!

Опять вылетает Борис Степанович.

– Ну что ты будешь делать, – говорит, – никак дозвониться не могу. Как провалился! – И вдруг видит Панаму. – Ты чего делаешь здесь?

Панама объясняет: мол, так и так, трусов нет.

– Это очень кстати, то есть это скверно, конечно. И вообще, в этом месяце я второй раз вижу, как ты уроки прогуливаешь. Смотри, добром это не кончится.

– Ну я же не специально... – оправдывается Панама, а в восьмом классе орут – хором петь начали! А ещё восьмой класс!

– Вот что, – говорит Борис Степанович, – выручить меня можешь?

– Безусловно, – отвечает Панама.

– Это, конечно, непедагогично... И вообще категорически запрещается учеников по своим делам посылать, да тут вопрос жизни и смерти. Такие, брат, дела... Вот тебе деньги, адрес, садись на такси. Если охрана пускать не будет, звони по такому телефону. И записку эту в собственные руки Петру Григорьевичу отдай. Понял? В собственные руки!

На стоянке было несколько машин. Видно, стояли они давно: на них успел жёлтый лист нападать. В первой машине шофёр читал книжку. Панама решительно открыл дверцу, сел рядом и протянул бумажку:

– Здравствуйте, отвезите меня вот по этому адресу...

– Есть! – сказал водитель и начал выруливать со стоянки. – Собака, что ли? – спросил он, когда они понеслись по улице.

– Где? – спросил Панама.

– Да вот лечить-то?

– Кого?

– Я говорю, зачем в институт-то едешь? – и шофёр как-то

странно на него посмотрел.

– В какой?

– Да ты хоть знаешь, куда едешь?

– Там написано, – глядя прямо перед собой, ответил Панама.

– Там написано: «Ветеринарный институт», вот я и спрашиваю, собака, что ли, заболела?

– Нет, – ответил Панама, – я с письмом...

– А, – сказал шофёр, – другое дело... А то я раза три доктора по адресам возил. Смехота! То у щенков зубки режутся, то кошка окотиться не может. Как сбесились все. А один едет, чуть не плачет – рыбки заболели! А рыбки-то эти гроша ломаного не стоят, и на сковородку-то не положишь.

Панаме почему-то стало очень скверно. И неожиданно для себя он сказал:

– У меня тоже рыбки есть! – Хотя никаких рыбок у него не было.

– Ты – пацан, ты – другое дело. А тут взрослый дядька в игрушки играет!..

– Всё лучше, чем водку пить! – сказал Панама и сам себе удивился.

– Это точно, конечно. .. – сказал шофёр и замолчал. Панама выскочил из машины, бодро толкнул дверь института, но сердце у него бешено колотилось.

В большом вестибюле, за никелированным забором стояла толстая тётка с громадной кобурой на боку.

– Тётя, извините, пожалуйста, могу я видеть Петра Григорьевича Николаева?

– Пропуск заказан? – рявкнула тётка.

– Нет, тётя, я с письмом, – сказал Панама самым вежливым голосом, на который был способен.

– Звони по телефону!

Панама набрал номер, написанный в бумажке.

– Можно попросить Петра Григорьевича, извините, пожалуйста. ..

– Его нет! – И трубка загудела. Панама опять набрал номер.

– А где Пётр Григорьевич? Извините, пожалуйста.

– На конференции! – И трубка загудела.

– Тётя, – сказал Панама, – у меня важное дело. Можно, я отнесу письмо?

– Оставляя на охране. Пойдёт домой, я передам.

– Борис Степанович велел в собственные руки. Тётя, это очень важно! Можно, я пройду? Я вам портфель в залог оставлю.

– Да на что мне твой портфель с двойками! Сказано: без пропуска не пущу. Так что уходи отсюда!

Пошёл Панама на улицу, получил по спине вертящейся дверью, сел на скамейку. Думает. «Никчёмный,—думает, – я человек. Борис Степанович с таким лицом белым из класса в учительскую носился, а я его письмо отдать не могу... Панама я, панама!» А в горле уже ком стоит.

Вдруг машина подъезжает. Странная какая-то. Пузатая. Автобус не автобус, бочка не бочка... Шофёр с бумажками в руках выскочил, в институт побежал. Потом из фургона дядька в ватнике вышел и тоже в институт пошёл, дверь не закрыл.

Панаму как кипятком окатило. Встал он, носом пошмыгал и медленно к фургону двинулся. А кровь в ушах – бух-бух-бух... Медленно поднялся в машину и дверь за собой захлопнул.

Темно в машине и пахнет, как в цирке. И чувствует Панама: кто-то дышит.

«А вдруг тут тигры!» Он чуть не взвизгнул со страху. Всей спиной прижался к железной двери, ему захотелось вдавиться в неё, стать маленьким, незаметным. И тут он услышал, как впереди за перегородками что-то затопало и раздалось тонкое, залиvistое ржание.

«Кони! Коней везут!» Панама пришёл в себя и только тут почувствовал, как намокла у него от пота рубаха. Он сунул руку в темноту, и пальцы его нащупали тёплую конскую шкуру. Потом он почувствовал, как в ладонь его стали тыкаться шёлковые лошадиные губы...

Машина дёрнулась, поехала. Стала. Открылась дверь, и в ослепительном свете хриплый голос сказал:

—

Выводи жеребца из первой секции.

Глава пятая **РАЗВЕ ЭТО АЙБОЛИТ?**

Панама постоял, привыкая к свету. Вокруг него были железные перегородки, а из-за них высывались конские головы. Он присмотрелся, открыл дверь и оказался в проходе, как раз позади коня, которого выводили. Конь вышел, за ним потихонечку Панама. Никто его и не видел. А дальше куда идти?

Недалеко от машины во дворе стояла группа людей в белых халатах. Они стояли спиной к Панаме и слушали кого-то в середине группы. Тот, невидимый Панаме, говорил:

– В нашем институте впервые в мире создана промышленная установка для получения желудочного сока, а также различных препаратов на основе конской крови. Желудочный сок берут один – два раза в неделю по шесть – семь литров за раз. После обработки он идёт в лечебные учреждения. Для получения препаратов из крови мы поступаем следующим образом. В кровь совершенно здоровых, многократно проверенных коней вводятся болезнетворные токсины таких страшных болезней, как гангрена, столбняк, дифтерия, и целого ряда других, против которых до недавнего времени медицина ничего не могла сделать. В крови заражённых животных образуются защитные вещества. На основе этой крови мы получаем сыворотку, которая не только излечивает больных людей, но и делает человека невосприимчивым к заболеванию. За время использования одной лошади мы получа-

ем шестнадцать – двадцать тысяч доз сыворотки.

– Згажиде бажалузда, – проговорил огромный врач-африканец, – зголько живёд лошад?

– Кровь мы берём периодически, давая коням три – четыре недели отдыха, однако лошадей хватает весьма ненадолго. . . Потом они поступают в зоопарк на корм хищникам. – Голос рассказчика вдруг сделался грустным. – Вот сейчас к нам как раз поступила новая партия лошадей, специально отобранных на конных заводах.

Тут все повернулись и увидели Панаму.

– Это что за явление? – удивился пожилой доктор, тот, что рассказывал про промышленную установку.

– Я не явление. Я Пономарёв! Мне Пётр Григорьевич нужен, у меня к нему письмо!

– Давай! Я Пётр Григорьевич. Проходите, товарищи, смотрите. – Он снял очки и, держа бумажку у самых глаз, начал читать.

В это время через двор проводили лошадей. Они были все как на подбор, очень высокие. Панама таких никогда не видел. Кони шли, нервно подрагивая кожей и всхрапывая. Огромный рыжий жеребец вдруг рванулся и стал на дыбы. Конюхи закричали страшными голосами и повисли на верёвках, •I как акробаты. Конь проволок их, мотая головой, через двор, тут его скрутили и завели в дверь дома, которая зияла как тёмная пропасть.

– Так. Ясно. Вот разделаюсь с аспирантами – приеду. Э? –

сказал Пётр Григорьевич. – Да ты, как тебя, Пономарёв, плачешь?

– Да! – закричал Панама. – Это ветеринары, которые животных лечат, это, значит, как Айболит! А какой же вы Айболит! Вы всю кровь из коней высасываете, как вампиры! Лошадь вам всё здоровье отдаёт, а вы её в зоопарк. Вы никакие не доктора! Вы хуже зверей. . . Волк тот хоть сразу загрызёт, а вы постепенно все соки вытянете! Живодёры!

Панама кричал, топал ногами и размахивал кулаками перед самым носом Петра Григорьевича. Все доктора столпились вокруг них и смущённо переглядывались.

– Перестань орать! – вдруг тонким голосом крикнул Пётр Григорьевич.

И Панама сразу замолчал, только всхлипывал, глотая слезы.

Нгуен, идите сюда! Вот! Вот! – Пётр Григорьевич вытащил в круг маленького вьетнамца. – Расскажите, как у вас в госпитале дети от столбняка умирали. Расскажите этому припадочному! И вы, и вы, пожалуйста, – он схватил за руку огромного африканца, – расскажите ему, как у вас целая деревня отравилась консервами и погибла, потому что не было сыворотки от ботулизма! – Пётр Григорьевич суетился, лицо у него было в красных пятнах, руки тряслись. – Он меня учить будет! Он меня будет укорять! Слунтай! Научись сначала людей жалеть!

Панама махнул рукой, повернулся и побежал.

– Стой!

Но он не останавливался, он бежал и бежал, сам не зная куда.

Глава шестая «**А МНЕ ИХ, ДУМАЕШЬ, НЕ ЖАЛКО?!**»

Панама сидел в большом кабинете, заставленном книжными шкафами, пил чай, а Пётр Григорьевич ходил из угла в угол и говорил:

– Так, брат, нельзя! Чуть что – ив истерику. Оно, конечно, дело это неприятное... Но что поделаешь? Жизнь, вообще, вещь довольно жестокая. В конце концов, ты думаешь, мне их не жалко? Да если хочешь знать, они мне по ночам снятся. Я глаза их видеть не могу...

– Пётр Григорьевич, – сказал Панама, – не надо рассказывать, а то я опять заплачу.

– Ну-ну... я не буду. Конфет дать?

– Нет. Спасибо. Я домой пойду.

– Нет уж, брат. Домой я тебя сам доставлю. Только давай сначала в манеж заедем.

– А это что?

– Манеж – это, брат, самое сказочное место. Там самые красивые кони в нашем городе. Там уже, наверное, и твой Борис Степанович.

– А что он там делает?

– Как что? Тренируется. Он ведь мастер спорта. Так по-

едем? Он в записке пишет, лошадь его посмотреть надо, что-то она плоха.

– Конечно, поедем! – поднялся Панама. – Надо ехать. Он так волновался, из учительской – в класс и из класса – обратно. Прямо так и бегал...

У ворот института их ждал «газик» с синим крестом на борту и надписью «Ветеринарная помощь». Панама ещё никогда не ездил в «газике». Машина катила быстро-быстро. У Петра Григорьевича прыгали очки на носу, а шофёр сидел прочно и молча, на рукаве его куртки был синий крест и надпись «Санитар».

Они проехали несколько станций метро, высокий собор с голубыми куполами, свернули во двор и остановились около дощатых ворот с объявлением «Посторонним вход воспрещён».

Мальчишка лет пятнадцати с повязкой дежурного встретил их в проходной.

– Ох, – обрадовался он. – Наконец-то, Пётр Григорьевич. А мы уж прямо не знаем, что и делать...

– Ложится?

Панама удивился, как изменился голос доктора, стал жёстким и деловым.

– Венчики распухли! Стоять не может. Опой, наверно...

– Посмотрим. Температура?

– Высокая.

Панама еле поспевал за ними. Прошли двор, где были на-

валены какие-то пёстро раскрашенные шлагбаумы, кубы, полосатые шесты, стойки. По двору задумчиво бродил маленький шелудивый ослик. Панама никогда живого ослика не видел, но останавливаться было некогда.

Они поднялись по мосткам и оказались в полумраке конюшни. В длинный коридор выходили двери с решётками, из-за каждой на Панаму взглядывали умные лошадиные глаза.

В конце коридора толпилось несколько человек и слышались приглушённые голоса.

– В деннике? – спросил врач. – Ложится? В глубине денника, над открытой дверью которого была табличка «Конус». Чистокровный верховой жеребец. 1968 г.р.», на полу, неестественно завалясь, лежал огромный конь. Панама видел, как тяжело у него ходят бока.

– Дежурную лампу! – сказал врач. – И давайте его на растяжках в коридор.

Все зашевелились. Появился яркий прожектор. И Панама увидел, что у головы коня на корточках сидит Борис Степанович, бледный, с трясущимися губами. Одной рукой он поддерживает коню голову, а другой часто-часто гладит его по челке, по глазам.

– Подымай, подымай, теперь осторожно выводите!

Длинно и жалобно застонав, конь тяжело поднялся. И, оседая на задние ноги, ступая передними словно на иглы, вышел.

Его привязали так, чтобы он стоял посреди коридора и к нему можно было подойти с любой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.